

5. Существует ли белорусская идентичность? Если да, то что ее определяет? Что такое белорусскость? Что значит быть белорусом?

Ольга Абрамова

Если не скатываться на «ура-патриотические» лозунги, то быть белорусом – значит, чувствовать свою принадлежность к этому пространству. Быть белорусом – это, бывая в других странах (даже в самых замечательных), на третий день хотеть домой. Быть белорусом – это постоянно носить Беларусь в душе, чувствовать, что это – твоё, вместе со всеми недостатками, вместе со всеми проблемами. Тебе хорошо здесь так, как не может быть нигде больше. И тебе плохо здесь бывает так, как нигде больше – потому что это твоё и ты переживаешь за всё, болеешь за это.

Ну, а красивей белорусской природы просто нет! Это то, что лечит душу, когда плохо. Заниматься в Беларуси политикой – очень стрессогенное дело. Иногда ощущение такое, будто ты плывешь в болоте. И лечит душу не только общение с близкими людьми, друзьями, но и общение с нашими лесами, нашими озерами, нашими водными просторами, независимо от того, какая погода.

Нас не зря иногда называют «ландшафтной» нацией (говоря о нации, я не имею в виду то, к какой этнической группе принадлежит тот или иной человек). Сам характер наших ландшафтов обуславливает некоторую созерцательность мироощущения, может быть, меньшую готовность к действию. Больше умеренности во всём, отсутствие склонности к радикализму, к жёстким решениям и целый ряд других вещей, если рассматривать в целом, как доминанту.

Я два года назад опубликовала в Москве свой анализ белорусского национального характера, где заодно показала, на что можно рассчитывать на этом поле, а на что – нет. Без ломки национального характера (а такие процессы рассчитаны на века) резкое изменение внутриполитической ситуации просто невозможно. Потому что это не вписывается, не относится к тому, что могут принять большинство людей, живущих на этом пространстве. Я постаралась дать некую политическую философию того, что здесь возможно и что невозможно.

Почему американцы посчитали возможным после Второй мировой войны затратить время, усилия, значительные средства для того, чтобы разработать модели адаптации демократии для населения Германии и Японии? Так, чтобы это было долговременным – не искусственно привнесенным, а чтобы это постепенно вошло в плоть и кровь общества. И почему с таким, может быть, неосознанным высокомерием относятся в этом плане к Беларуси? Беларусь – уникальная страна. Если пересмотреть всю политическую историю региона, то некоторое сходство мы можем найти только со словаками.

Вообще, белорусы – уникальный народ, и они дадут не 100, а 1000 очков вперед каждой европейской нации по части выживаемости. Белорусы выживают в любых условиях и способны адаптироваться практически к чему угодно. Отсюда высокомерие в отношении сравнительно небольшой европейской страны, нежелание считаться с тем, что мы здесь имеем и от чего надо идти... И если взаимодействовать и предлагать систему ценностей, то надо ее органично вписать, вплести в национальный характер, адаптировать их взаимно друг к другу. Ведь одной формы демократии не бывает – у каждой страны свой путь и свое направление развития демократии. Это то, с чего надо было начинать. И об этом почему-то никто не хотел думать, и никто не считал нужным этим заниматься. Может быть, хотя бы сейчас начнем?

Светлана Алексиевич

Появление Милинкевича на минувших выборах привело меня к мысли, что начинается формирование белорусской идентичности. Это был уже образ бело-

русско-польского интеллигента. Предыдущие образы председателя колхоза или советского номенклатурного руководителя уходят в прошлое.

Однако хотелось бы отметить, что этот образ складывается в противостоянии Союзу: люди определяются на фоне «цветных революций».

Образ этот пока еще не стал достоянием массового сознания, он остается приобретением культурных слоев. Его принимают и создают студенты, интеллигенция, а простой народ все еще не принял.

Причина того, что так затянулся процесс формирования национального образа, в том, что эту работу делают только энтузиасты. Власть не делает эту работу! Но такая задача не для кучки людей, какими бы благородными целями они ни руководствовались. На формирование образа должны работать и власть, и СМИ... Если бы у нас была хотя бы такая ситуация, какую мы имели во времена Шушкевича и Кебича, эта задача давно бы решалась.

Нужна программа, именно система взглядов, круг идей. Сейчас это все не привлекается в народное сознание. Этим должна была бы заниматься власть. А вместо того она культивирует какую-то грубую патриархальность.

Всё выглядит очень зыбко. Мы споздавшая нация.

Евгений Бабосов

Белорусская идентичность как раз и есть беларуская нацыянальная мова. У нас лучше, чем в русском, сказано – «матчына мова». Когда мы говорим «материнская мова» – это матерщина в России, а у нас – «матчына мова»! Надо знать и любить «матчыну мову» и «мой родны кут, якты мне мілы». Вот это белорусскость. Я называю ее «белорусскость», у Янки Купалы это «беларушчына». Белорусская идентичность – это понимание себя «беларушчынай». Это от Купалы идет. «А хто там ідзе, а хто там ідзе?» – вот откуда это начинается. Сто лет назад как раз. Вот это «Кем нам зваться? – Белорусами» – как раз белорусская идентичность. Понимание себя белорусами, которые живут в Европе, которые имеют свои национальные корни, свои национальные традиции, свои обычай, свои обряды и всё, что хотите, – в этом есть идентичность. Есть у нас и Дзяды

– есть у нас и Радуница. Это важно! У нас и одно и другое есть! У нас католическая Пасха и православная Пасха одинаково важны.

Оставаться самим собой – это, думаю, и есть белорусская идентичность. «Матчына мова», наша «Айчына», наше государство, наша самостоятельность, наша самобытность – и есть идентичность. Ее определяет принадлежность к корням и наслаждение на корни, не вырубая ничего – ни в культуре, ни в образовании, ни во всех остальных сферах, которые менее национальны. Скажем, техника одинакова – трактор везде одинаков.

Я выступал на одной конференции, употребил слово «белорусскость». И ректор медицинского института мне говорит: «Как это может быть – белорусская кость?» Он даже не знает, что такое белорусскость... Почему есть польскость, есть русскость – есть такое понятие! – почему не может быть белорускости? А вообще это «беларушчына», как сказал Янка Купала когда-то.

Анжелика Борыс

Наверняка существует. Но белорусы еще должны ее осознать. Говоря «белорусы», я имею в виду также проживающих на Беларуси поляков, которые являются в Беларуси коренным населением и должны участвовать в формировании этой идентичности.

Ирина Бугрова

Безусловно, она еще проходит некие процессы становления. Я не могу сказать, что сегодня уже белорусов можно считать сформировавшейся нацией, нет. Потому что очень много значит идентичность на уровне государства, государственная идентичность. И не только как идентичность, очерченная границами, хотя и здесь у нас есть проблемы: с одной стороны мы размываемся, идет очень сильное давление, сильное влияние России. Причем оно очень политически конъюнктурное, отсюда и такие проблемы. На уровне государственной идентичности, на уровне выстраивания конвенционального сознания: моего согласия

с системой ценностей и правовой системой, которую государство устанавливает для этой территории. И даже здесь видим разделенную страну.

Поэтому сегодня очень трудно определить идентичность для белорусов, учитывая, что и политическая идентичность играет значительную роль в становлении идентичности. А раз есть разделенное общество, разделенная страна (часто практически на противоположные ценности) – значит, часто мы говорим: увы, сегодня с идентичностью до конца не получается. Но в целом государственная политика – с определенными идеологическими акцентами, с символами, воздействием средств массовой информации – создает некое странное явление «идентичность без идентичности». Она описана в литературе: человек внешне привязывается к каким-то символам, а внутренне не ощущает себя ни ответственным, ни «продуктом» этих символов. И надо сказать, что психологи, которые исследовали проблему индивидуальной идентичности, говорят, что люди, которые страдали «идентичностью без идентичности», часто испытывали психологический шок после того, как такая идентичность распадалась: менялись символы или еще что-то перекраивалось. Я думаю, что с народами тоже могут такие неприятные вещи происходить. В этом плане, я считаю, вкладывается сегодня какой-то вариант идентификации белорусов. Самых главных идентификационных факторов сегодня два. Первый – внешняя дистанция от других государств и народов: очень много идет сравнительного материала, часто слишком негативного. Тогда белорусы начинают думать: а кто мы? Вот эти культурные дистанции формируются в большей или меньшей близости с кем-то. Если вы заметили: как только российская политика меняется в сторону давления на Беларусь, сразу же меняется и белорусское общественное мнение в сторону большей дистанции от России. Это говорит, в принципе, о том, что белорусы не готовы к таким союзным тесным отношениям. И надо сказать, вопреки официальной пропаганде не испытывают такой уж колossalной братской любви. Это мистификация! Наоборот, из исследований психологов, которые до Бердяева писали, известно, что культурно близкие народы (лингвистически близкие) часто нуждаются в том, чтобы отталкиваться, находить разность, находить дистанцию – чтобы чувствовать себя комфортнее. Они не бросаются в объятия, а наоборот – ищут различия. Тогда идентификационный процесс интереснее.

Второй фактор – экономический. Не этнокультурный, не культурологический, а именно экономический! Через экономический фактор возникает национально, этнически интересный элемент – тип ведения хозяйства белорусов. Это вопрос формы экономики, это вопрос развития каких-то локальных сообществ на каком-то уровне и т. д. Через экономику появляется и возрождается то, что связано с этносом и культурой. Очень интересные процессы сейчас происходят, хотя они, к сожалению, мало ком исследуются. И вообще, очень мало социологических работ, посвященных этим проблемам, – раньше было гораздо больше.

На мой взгляд, пока еще идет процесс идентификации. Он гораздо более явный, чем был раньше, но пока я не могу сказать, что есть белорусская идентичность и она именно такая-то.

Я не говорю, что такой идентичности нет вообще – идет процесс. Что-то экономическое накапливается количественно, дальше идет ощущение себя каким-то этносом, каким-то народом: «Почему мы такие? Мы не хуже!»

Когда я работала в Европейском гуманитарном университете, к нам очень часто приезжали французы и немцы. И мы создавали идентификационные образы: как один народ представляет себе другой – в каких выражениях, в каких символах или ключевых словах описывает. Надо было описывать другой народ, а потом – идентифицировать себя. Самая негативная идентичность была у белорусов. Они себя описывали как закрытые. Иногда вырывались такие противоречия, как независимость и в то же время конформизм, склонность к тому, чтобы спрятать голову, как страус, и т. д. Звучали такие ключевые слова в описании, как «балота», «партизаны» и еще что-то такое. Наверное, не скажешь, что это хорошо. Создается образ: где-то в болотах сидят партизаны и т. д. Сами же люди трактовали себя так! Т. е. очень часто люди не видели себя как народ, который создает что-то историческое, который является творцом, который признают. Очень важно, чтобы тебя признавали! Мне кажется, что сейчас в этом пространстве появляется желание, чтобы нас признавали. Причем признавали не только как государство, но и как народ, который может сказать свое слово, может внести свой факт культуры и который может показать себя

как независимый, демонстрирующий какие-то иные ценности в области социальной политики.

Мы сейчас видим не только, как государство представляет Беларусь, не только образ, созданный через официальную пропаганду и официальные представительства. Мы видим сейчас и некоторые попытки определенных групп в определенной среде создать иной образ Беларуси. Я говорю не только о [Октябрьской] Площади, я осознанно говорю о другом. Например, о таких моментах, когда мы видим в науке определенные интересные аспекты, совершенно неожиданные. Люди говорят: да, мы белорусы, у нас есть очень интересная компьютерная культура, мы занимаемся туризмом... Понимаете, сейчас туризм поощряет то, что люди давно хотели делать сами. Это такая локальная гордость: вот это – у нас в Беларуси, это наши озера! Я удивилась, когда познакомилась с людьми, занимающимися краеведением и пытающимися создать настоящий, земной патриотизм – исконный, а не «квасной», как в России говорят. Я могу сказать, что есть ощущение, желание гордости, видения своей земли как достойной быть увиденной, услышанной, признанной в Европе. Для меня это очень важно! Поэтому нельзя сказать, что в обществе возможна только политическая идентификация. Я еще раз хочу сказать: политика – это квинтэссенция того, что происходит до политики. Если бы не было многих лет становления в сложной, противоречивой гамме этого чувства идентичности («я отвечаю за это государство»), то, может быть, ничего не произошло бы и в политике. А всё-таки мы увидели: выборы были очень необычными. Мы увидели очень интересные тенденции, которые, если их не замечать в Беларуси, можно пропустить главное.

У нас часто говорят: «Ой, Европа! Она хочет сделать Беларуси плохо». Это несусветнейшая и невероятная глупость! Когда бываешь в других странах и много общашься с людьми, то, безусловно, чувствуешь, что они хотят видеть просто людей, которые могут говорить о себе и говорить в полный голос. И ради Бога, политика политикой, но на этом зацикливаться невозможно.

Генадзь Буравкин

Мне кажется, что есть. Другое дело, что это очень тонкие материи и их определить не так просто. Что такое белорус... А что такое француз? Из чего он состоит? Из ощущения своей неповторимости, своего достоинства, из ощущения своей истории. Так и белорус! К сожалению, до этого времени в массе ещё этого у нас нет. И наши беды многие сегодняшние идут как раз от того, что белорусы ещё не ощутили себе цену как нации, как народу, не ощутили необходимости некоторых ценностей – необходимости своего национального государства, необходимости своей национальной политической жизни, куда включается уважение к истории, место родного языка как государственного, демократические институты и т. д. К сожалению, этого белорусы пока что не прочувствовали. Того, что Европа во многом (а может, и в преимущественном большинстве) уже прошла. Мы этот период ещё не прошли. Беда в том, что сегодняшняя наша власть, вместо того чтобы помочь нам хотя бы с опозданием, но достойно, без экстремизма, без радикализма пройти данный этап осознания, самоидентификации, не способствует этому, а наоборот. Власти будто бы выступают против политической глобализации, но посмотрите, что они делают! Они, наоборот, тщательно поддерживают то, что делается во всём мире, – выравнивание различий, космополитичность. Другое дело, что они поддерживают не процесс всемирный, европейский, а какой-то региональный. Прежде всего имеется в виду ориентация на Россию, беспримерная, уникальная русификация, ложь, если говорить об истории, вместо того чтобы достойно отдавать ей должное.

В истории всякое бывало. Надо сегодня, будучи разумными образованными людьми, трезво всё оценивать. Да, Александр Суворов был великим русским полководцем, но для Беларуси это был один из страшных кровавых палачей. И пускай Россия ценит его талант полководческий, но мы в Беларуси не должны. Неужели мы можем простить абсолютно невинную кровь наших предков, которую рекой пролил на нашей земле этот военачальник? А мы его, простите, ценим, музей тут держим, колхозы его именем называем, улицы в городах. Вот когда мы, отдавая ему должное как российскому полководцу, его

полководческому таланту, Суворова поставим в истории российской, а в белорусской истории мы его поставим как палача, как одного из самых кровавых палачей, прошедших по нашей земле, этим самым мы нисколько не навредим нашим взаимоотношениям с русскими. Если они разумные люди, то нас поймут. А если неразумные, то стоит ли нам перед ними склоняться и переписывать или подправлять свою историю?

Если так спокойно произойдёт самоидентификация белорусская, то белорусы поймут, кто они такие. Сегодня белорусы ещё не понимают, что такое белорусы. Потому что мы вспоминаем: «Я – мужик-белорус, пан сохи и косы». Да, на каком-то этапе так было. А теперь уже белорусы – паны! и чего-то более серьёзного: история идёт. И очень неправильно, что мы привыкли в советское время всё приписывать «вождям», как писал Маяковский. Если произошёл какой-то экономический рост или что-то хорошее, мы всё это обязательно связываем с вождём. Тем самым себя унижая: это ведь всё сделано людьми! И на заводах если люди хорошо трудились или на полях – это прежде всего их заслуга. Другое дело, что руководитель, в силу своего положения, может либо способствовать процессу, либо мешать или замедлять его. Но не его это достижение. Прежде всего это успех тех, кто трудится, а потом уж его. А у нас этого понимания ещё нет. Люди готовы отдать свой труд в заслугу кому-то другому. Когда мы научим людей достоинству: то, что я сделал, должно быть оценено... Как писал Твардовский о Василии Тёркине, «обеспечь, раз я достоин!». Пока этого нет.

Для меня дорого в белорусском характере то, что белорус очень искренне (может быть, не так быстро, как другие) откликается на чужую беду: он, по-народному говоря, довольно жалостлив. Если всё идёт на равных во взаимоотношениях с другими народами – превосходно. Если же эту белорусскую жалостливость, доброту некоторые используют совсем по-другому, то от того многие наши беды, потому что мы терпим то, чего другие народы не потерпели бы. Мы терпим издевательство над нашим белорусским языком, когда его с высоких трибун передразнивают. Представляете, если бы такое было в Грузии? Я не за то, чтобы так поступать, как некоторые грузины, – сразу в морду, как говорится. Но ставить на место тех людей, которые так делают, надо.

Белорусам в их национальном характере почему-то не хватает решимости, не хватает силы, воли, достоинства прежде всего. Белорусский характер в принципе очень добрый, славянский. Я подчёркиваю – славянский. Мы в славянском мире, от славянства взяли очень много. Более того, это уже давние утверждения и относительно языка, и относительно других параметров национальных, что белорусы, может, сохранили больше всего хорошего, чистого и древнего из славянских традиций у себя: в своём языке, в своём характере, в своих обычаях, в своём быте. И это хорошо!

Белорусам есть чем гордиться и с чем разбираться в самих себе. Прежде всего, повторяю, белорусы должны это с собой сделать, а после то, что они выкристаллизовали, признали, «утвердили», выносить в свет, на вече народов. Да, «свой пачэсны пасад між народамі»! Мы ещё до сих пор не поняли, что у нас такое место есть, оно почётное и не надо никому позволять на наше место садиться. Это наше место! Мы должны его занять. То, что сказал Янка Купала, к сожалению, многие белорусы, хотя официально и называют Купалу пророком, ещё не осознали. Каждый белорус должен осознать «своё почётное место среди народов». И никому не надо это место отдавать. Не вернёшь, конечно, в белорусскую литературу Достоевского, ставшего классиком русской литературы, не вернёшь Мицкевича, ставшего классиком польской поэзии. Но места своего всё равно никому уступать не надо.

Алесь Бяляцкий

В принципе, существует. Это есть и на уровне подсознательном, и на уровне бытовом, на уровне традиционном. Впервые я это довольно сильно почувствовал, когда был в армии: я шёл туда уже как сознательный белорус. Интересно было, как сбивалась наша белорусская компания и насколько мы всё же отличались от других национальных групп – от русских, украинцев. Я уж не говорю о более далёких группах.

Она есть и особенно чётко видна, когда люди группируются в мультинациональных сообществах, – тогда это очень чётко проявляется. Здесь, в Беларуси, она, может быть, не слишком видна для нас, но достаточно хорошо видна ино-

странцам, приезжающим сюда. Они тоже определяют, что Беларусь – не Россия, что Беларусь – не Украина. То же касается и людей, обычных, традиций и т. д.

Что определяет эту отличительность? Наверное, традиции. Национальные традиции, традиции общества, которые есть на сегодняшний день. Они, конечно, сильно унифицированы (потому что процесс унификации достаточно силен), но в то же время они остаются определяющими. То, что воспитывалось поколениями, веками... Почему, например, когда ты видишь чёрного кота, ты плюёшь через левое плечо? Ты ведь не думаешь об этом. Или почему, например, когда ты здороваешься с человеком через порог, ты стараешься перейти и поздороваться с ним там, или он инстинктивно переходит? Ты тоже об этом не думаешь, потому что оно просто есть. Таких моментов, которые мы просто не замечаем, когда делаем, существуют сотни, тысячи. Со стороны они заметны – для других. А мы об этом не думаем.

Александр Вайтович

Несомненно, существует белорусская идентичность. Её определяют язык, культура, менталитет, традиции белорусов. Отсюда следует одна очень важная задача – беречь и хранить язык. А белорусскость (быть белорусом) – это и есть понимание, сохранение и развитие нашей идентичности и работа на пользу нашего отечества и его граждан.

Андрей Вардамацкий

Идет процесс формирования белорусской идентичности. Если говорить о белорусской идентичности сейчас, то главным является не ее сформированность, ее существование, факт ее наличия, а процесс ее создания, быстрый процесс ее создания и формирования.

Я не буду говорить о формировании на ценностном уровне, я могу сказать на уровне результатов общенациональных социологических исследований, которые мы проводим. Они заключаются в том, что войти в состав какой-либо другой страны хотели бы 4–5% населения Беларуси. Такое количество людей

хотели бы войти в состав, например, Российской Федерации на правах субъекта. Если такое есть – значит, можно говорить о наличии идентичности.

Описание ее – очень сложная задача. Очень легко отдифференцировать между собой национальные характеры скандинава и итальянца: там различия очевидны. Но очень трудно описать отличия белоруса от русского: это очень близкие национальные характеры. Однако мы понимаем, что разница существует, и можно называть какие-то характеристики. Разница существует в мягких формах – не так, как между медленноватыми скандинавами и экспансивными итальянцами. Но разница между русскими и белорусами на уровне национального характера существует.

Винцук Вячорка

Естественно, существует. Нормальная, полноценная национальная идентичность со всеми составляющими. В том числе – особенно подчёркиваю – с языковой составляющей. Несмотря ни на что, абсолютное большинство из нас называет родным языком белорусский, а следовательно, включает его в перечень своих ценностных опор.

Остается проблемой, однако, отождествление белоруса с государством. Исторически так сложилось, что последние пару веков государство было не наше и выработалось стойкое отчуждение от него как от враждебной, непонятной силы. Заново отождествиться с государством, стать *nation* в терминологическом смысле, бытующем в западноевропейских языках (национальное государство), мы сможем только в Беларуси с прозрачным механизмом демократического вершения власти.

Павел Данейко

Что такое идентичность? В моем понимании белорусы были, есть и будут. Некая ментальность белорусская существует, но вопрос в том, насколько она саморефлексируема, насколько она артикулирована для других. Этот вопрос требует проведения такой работы – по формулировке смыслов белорусской

и по трансляции данных смыслов другим. Невозможно, чтобы про тебя что-то знали, если ты о себе ничего не рассказываешь. Мы должны что-то рассказать миру о себе. Но перед тем как рассказать, мы должны понять себя. И это не делает народ! Функция народа – выживать, жить, быть таким, каков он есть. Элиты интерпретируют это. Элиты насыщают высокими целями повседневную жизнь. Народ с задачей выживания справляется отлично, а вот элиты не справляются со смыслом выживания.

Поэтому я думаю, мы еще идем по пути формирования групп, которые готовы выполнять эту довольно сложную работу. Такая деятельность требует от элит достаточной ответственности за будущее страны и за то, что они говорят. Это формирование происходит. И оно не зависит от желания тех или иных политических групп, действий властей. Действия и желания могут только каким-то образом регулировать темп, но не останавливать сам процесс – он идет совершенно независимо, как запущенный механизм. Была поставлена проблема: надо кем-то быть! Просто очевидный факт: надо быть кем-то!

Андрей Дынько

Белорусская идентичность состоит из разных элементов. Это чувство принадлежности к белорусскому сообществу, чувство гражданства белорусского государства. Сюда включаются и такие культурные элементы, как белорусский язык, белорусская культура. Это те общие культурные коды, которыми владеют белорусские граждане. Но также есть самоидентификация широких слоёв людей с необычным политическим режимом, с которым они себя отождествляют.

Светлана Калинкина

Мне кажется, что всё-таки не существует. Всё-таки «Беларусь» как самоощущение не у каких-то единичных людей, а у общества в целом, мне кажется, не сложилось ещё.

Много, наверное, тому объяснений, но мне кажется, главное в том, что вообще за те 15 лет, которые существует независимое белорусское государство, не было однозначного направления развития этого государства. Мы то флаги меняем, то гимны меняем, то языки возрождаем, то он уже не нужен. То мы входим в состав России, то не входим. И такая суэта, мне кажется, не позволила сформироваться белорусской идентичности. Белорусы как самодостаточная нация сами себя не ощущают. Они себя ощущают «при ком-то» – при России или при Европе. При ком-то!

Сергей Калякин

Думаю, что есть, и она всё больше растет. Правда, иногда пытаются подменять понятия. Для самоидентификации надо понять, что мы белорусы, мы проживаем на этой территории, у нас есть такая-то культура, у нас есть такая история. Т. е. мы должны самоидентифицироваться как белорусы, живущие в конкретном государстве и имеющие конкретные интересы. И подменя их понятиями, что мы европейцы, или россияне, или литвины, или ещё не знаю кто, – всё это мешает самоидентификации. Мы – белорусы! И эта самоидентификация сегодня идет. Она имеет очень небольшую историю в силу особенностей нескольких последних столетий: мы не имели государственности несколько последних столетий. Нашу государственность можно исчислять (причем ограниченную) в рамках БССР в Советском Союзе. А абсолютно независимым государством в последний исторический период мы стали только с 1991 г. Всего лишь 15 лет! Но за эти 15 лет произошла уже самоидентификация.

Сегодня всё меньше белорусов хотят принадлежать к чему-либо. Хотя одновременно значительное количество хотят быть частью чего-то, причем сразу частью и одного и второго: мы хотим быть сразу и в Евросоюзе, и в России. Что говорит об определенном раздвоении нашего самосознания. В этом есть какой-то алогизм, но есть и прямая логика: происходит осознание того, что нам нужны и Европа и Россия. Поэтому мы хотим быть и тут и там. До 70% доходит число белорусов, желающих в Евросоюз и Россию, причем 40% одновременно хотят и туда и туда. Потому что они чувствуют свой интерес и там и там. Надо быть и с одними, и с другими, но оставаться белорусами. Надо оставаться бело-

русским государством, искать выгоду для этого государства, для народа, который живет на этой территории и который, собственно, составляет это государство.

Кася Камоцкая

Мне кажется, что «быть белорусом» – только сейчас формируется эта идентичность. Может быть, извне выглядит иначе. Но изнутри – она только формируется. Момент самосознания, самоидентификации, мне кажется, у народа наступает сейчас.

Может быть, извне другие народы сказали бы, что для них значит белорус, но для себя белорус... Мне кажется, что процесс ещё идёт.

Недосформированная нация? Безусловно! У нас никогда не было национального государства. Лукашенковское государство назвать национальным невозможно. Оно может быть социальным, может быть каким угодно, но не национальным. Оно антинациональную политику проводит фактически. Всё делает, чтобы только не возникла нация. А нация обязательно должна пройти через период национального государства, а только потом перейти к следующему. Скачки в истории, может быть, и возможны, но мне кажется, для наших условий необходимо, чтобы было создано национальное государство. Национально ориентированное, с одним национальным языком, с лоббированием национальной культуры. Тогда люди будут понимать, что такое «быть белорусом».

Сергей Костян

Идентичность белорусской ментальности состоит полностью в её экономическом укладе, историческом пути, традициях, обычаях, образованности, культуре и также в её природных условиях. Всё это вместе и определяет идентичность белорусской нации. И чтобы это понять лучше, мне кажется, надо напомнить о том, что через белорусскую землю проходили десятки войн – и с Запада на Восток, и с Востока на Запад. И, как видите, белорусы сохранили и свой язык, и свою культуру, и свои обычаи, и традиции, и названия деревень

и городов. На Украине, в России сколько было переименовано городов в честь тех или иных революционных деятелей! У нас этого не было. Один только Дзержинск – так он родился здесь! А всё остальное мы не меняли. Даже улиц это не коснулось. И когда Советского Союза не стало, во всех республиках опять стали менять названия городов, улиц, деревень, а мы этого не стали делать. Вот в этом и есть особенность белорусского народа, особенность его ментальности.

Вячеслав Кебич

А кто мне скажет... Я-то свою родословную немножко знаю: мне удалось установить её с 1755 г. Но вот я у вас могу спросить: вы знаете, чья кровь течет в вас? Вряд ли! Я бы сказал, что «чистых» белорусов, на мой взгляд, вообще нет. Мы находились на слишком тяжелых перекрестках исторических моментов, когда трудно установить – кто мы, по большому счету. Может быть, сегодня «белорус» больше носит значение государственности, чем расы. Такое есть и во Франции, и в Америке, и в Бразилии: там нет понятия нации... Поэтому я и сказал, что «белорус» – больше с точки зрения государственности, нежели по расовым каким-то признакам. Мы свои генные корни не можем сегодня установить. К сожалению или к счастью (не знаю, что более правильно), мало какие страны называют всех жителей американцами, или французами, или бразильцами. Большинство все-таки по-другому... Попробуйте вы немцам сказать, что они не немцы! Или попробуйте китайцу или японцу сказать, что они не японцы... Там слово «японец» подразумевает прежде всего расу, а не государственность как таковую. Потому что есть расы «чистые» – я не имею в виду чистоту нации, а то, что не было кровосмесления.

Поэтому я бы сказал, что не надо так ставить вопрос.

Анатолий Лебедько

Нет, такая идентичность ещё не сложилась. На каком-то интуитивном уровне наши люди (независимо от того, на каком языке они разговаривают) в быту всё равно говорят: мы не такие, как другие. Но меньше всего принимается мер со

стороны власти. Инструменты власти тут могут быть очень эффективными. Если посмотреть на средства коммуникации: телевидение, радио, печать, Интернет, – мы не видим со стороны государства целенаправленной политики, чтобы белорусы знали, кто они такие.

Потому что выглядит так, что наша история начинается с 1994 года, с первых президентских выборов. А до этого – такое чувство! – и истории не было. Ну, что-то было, с ветеранами связанное, – обрывок такой. И тут мы потеряли память, и больше не было ни истории, ничего.

Конечно, это сильно мешает, ведь на бытовом уровне есть желание знать, кто мы такие. Даже когда стоишь на границе в очереди, а поехал без очереди кто-то из русских – некие эпитеты идут от неких русскоязычных белорусов. Они понимают: мы не такие, как другие.

Думаю, всё очень чётко в социологии зафиксировано – насколько актуален вопрос суверенитета, независимости для людей. 15 лет назад это была тема номер один. В России проходили выборы (в Думу, президентские), и это была одна из трёх-четырёх приоритетных тем. Сегодня об этом никто не говорит. И по всем социологическим опросам только 4–5% людей на адекватно сформулированный вопрос (а он звучит в редакции Жириновского как «Беларусь – восьмой федеральный округ» – я считаю, это правильно и корректно сформулированный вопрос, не о каких-то отношениях с Россией) отвечают положительно. И хотя за эти 15 лет власть не принимала никаких мер, чтобы белорусы поняли, что они чем-то отличаются от всех остальных, тем не менее это зафиксировалось в социологии. И сам Лукашенко, и власть начинают уже приспосабливаться к данному факту. В этом плане показательна последняя избирательная кампания: Лукашенко фактически взял все лозунги оппонентов – «За Беларусь!» и другие.

Отсюда следует, что мы всё-таки европейская нация, что у нас есть свои национальные интересы. Лукашенко об этом не говорит, но ради решения каких-то своих краткосрочных интересов он вынужден это признать. Он вынужден признать, что никакое объединение с Россией сегодня невозможно не только потому, что ему не предлагают, не дают правовой перспективы, но ещё и потому, что более 90% людей искренне желают жить в своей стране. И это дорогое стоит!

Я думаю, что именно это в значительной степени и есть завоевание тех людей, которые являются носителями европейских ценностей. А одна из европейских ценностей – идентификация, знание своей истории, своей культуры.

Василий Леонов

Да, существует. Прежде всего, мы «не такие, как они». Белорусы в стремлении хорошо жить готовы соответственно и хорошо и, если нужно, тяжело работать, мы склонны к интеллектуальному, высококвалифицированному труду, терпеливы, но не бесконечно. Категорически отвергаю получившее распространение в последнее время утверждение о том, что наша терпимость переродилась в трусость. Нет, мы просто расчетливы в своих поступках. Но героев наша земля рожать не перестала.

Быть белорусом – любить прежде всего белорусов, Беларусь, содействовать процветанию своей земли, гордиться тем, что ты частичка народа, уважать другие народы, не кичиться, не впадать в изоляционизм. Не противопоставлять себя ни Востоку, ни Западу.

Жанна Литвина

Она ещё не сформулирована. Не столько, может быть, не сформирована, сколько не сформулирована. Наша национальная элита должна её сформулировать. Проговорить, прописать, сделать понятной. Она очень неопределенная, люди не понимают ценности этой идентификации. Года два назад попалось мне такое сравнение, что Беларусь – это шахматная фигура, свалившаяся с шахматной доски. Где-то просто под стол выпала Беларусь. Как такое могло произойти? Почему так произошло? На этот вопрос обязана отвечать национальная элита.

Олег Манаев

На мой взгляд, в начале XXI века белорусская идентичность, основанная на принципе этничности (включая его базовые элементы, такие как общность

территории, крови, истории и культуры), не то чтобы неадекватна, но не имеет ясной перспективы. В силу самых разных причин эта идентичность так до конца и не сложилась.

В то же время нельзя сказать, что белорусской идентичности нет. Я считаю, что она уже есть, но иного характера. Например, я, человек, родившийся в России и русский по крови, идентифицирую себя как белорус. Хотя с этнической точки зрения, какой же я белорус? По моему мнению, белорусская идентичность сегодня имеет не столько этнический, сколько социально-политический, гражданский характер. Основа такой идентичности – независимое государство и права его граждан. Это значит, что белорусами по праву могут себя считать люди, живущие в Беларуси. Они считают себя гражданами – не России, не Польши, не Гваделупы, а именно Беларуси. Они пользуются определенными выгодами (не только в утилитарном смысле, но выгодами правовыми, политическими, экономическими, культурными), являются гражданами собственной страны, гордятся этим и готовы отстаивать свой статус. Это и значит – быть белорусом. А вырос ты в белорусском селе или в асфальтовых джунглях современного города, на каком языке говоришь в повседневном общении, предпочитаешь драники или морскую капусту – это вопрос второстепенный. Не незначительный, а именно второстепенный.

Формирование национальных идентичностей на основе этничности и, соответственно, национальных государств в той же Европе 150–200 лет назад проходило совсем в иных исторических условиях. Тот поезд уже ушел, и нам в него уже не сесть. Никогда! Поэтому если мы заинтересованы, чтобы Беларусь стала полноценной современной страной, необходимо не просто укреплять ее государственность, но прежде всего укреплять ее гражданскую идентичность.

Александр Милинкевич

Я горжусь тем, что я белорус. Хотя сегодня это создаёт много проблем. Нездоровая ситуация – столько намешано в головах людей, столько проблем в менталитете. Народ действительно прекрасный. Родина, которую любишь

самоотверженно, ничего не требуя взамен. Это что-то лирическое, мистическое, зелёно-голубое, нежное. Эта страна – словно красивая и привлекательная женщина, с чувством достоинства и верой в себя, которые пока скрываются под маской «тутэйшасьці». Родословную свою знаю до седьмого колена. В ней – репрессированные повстанцы 1863 года – прпрапрадед и прадед, – дед, который был одним из активистов белорусского движения 1920-ых годов на Гродненщине. Беларусь – это прежде всего события и люди. Чрезвычайно важно чувствовать своё место в цепочке истории.

Анатолий Михайлов

Крайне наивно уповать на то, что существует какая-либо универсальная и однозначно толкуемая формулировка «идентичности». Само осмысление идентичности есть, скорее, никогда не прекращающийся процесс, а не фиксированный и навязываемый результат чьих-то представлений или пожеланий. Проблема, однако, в том, что усилия по самоидентификации, в свою очередь, предопределены нашим собственным состоянием. И это состояние оставляет желать лучшего.

Алесь Михалевич

Конечно, белорусская идентичность есть, потому что белорусы считают себя иными, чем русские, поляки, литовцы, украинцы. То бишь есть идентификация себя как чего-то особого. Надо сказать правду, что в значительной мере эта идентичность распространилась на протяжении последних 10–15 лет. Я наблюдаю, например, за границей: всё реже и реже обычные (даже немного «советские») белорусы, слыша русский язык, бросаются к тому, кого увидели, будто он их брат, родной человек и т. д. Уже есть ощущение того, что белорусы – что-то иное, что-то особое. И когда человек встречает за границей именно белоруса, то есть большое счастье и радость: вот увидел кого-то родного!.. Это противопоставление себя другим: мы как «мы» отличаемся от того, кто «они».

Есть моменты и отрицательного различия (мы не они), и положительного, ведь нас уже что-то объединяет. Что именно объединяет? Говорят: Чернобыль и Лукашенко. Даже это уже немало! На Западе белорусов теперь больше объединяет Милинкевич: это видят намного лучше те белорусы, которые живут за границей.

Нас объединяет потребительское общество: «Покупай белорусское!» То есть отношение к произведённому здесь как к чему-то лучшему. Отношение к себе именно как к чему-то со знаком качества. То, что Лукашенко озвучил: «Белорусы – это те же русские, только со знаком качества». Я убеждён, большинство белорусов с этим не согласны, но то, что на нас есть какой-то знак качества, что мы лучше, – это однозначно есть.

Конечно, здесь очевидно сильное влияние государства. Оно очень много сделало: невозможно переоценить наличие белорусского рубля, невозможно переоценить наличие белорусских паспортов, невозможно переоценить даже то, что в белорусских паспортах нет национальности. Количество тех людей, которые определяют себя как «русские», с каждым годом уменьшается. И думаю, что лет через пять тех, кто будет определять себя как «русские», внутри Беларуси будет пару процентов, хотя ещё недавно их было почти пятнадцать.

Есть то, что действительно объединяет. Объединяют наши спортсмены, которые время от времени одерживают победы на различных соревнованиях. Помним очень известный турнир по теннису, где белорусы обыграли россиян. Это было всеми воспринято как капитальная победа и утверждение того, что мы лучше, что мы независимы. И, в конце концов, Лукашенко дал теннисистам ордена сразу – это тоже показывает, что даже для Лукашенко эта идентичность есть, что он тоже противопоставляет белорусов другим.

Татьяна Протько

Белорусы – люди заметные в мировом сообществе. И среди других людей они своеобразные. Это люди толерантные, как мы сейчас говорим. Они относятся к другим не с желанием переделать этих людей на свой лад, а принимают

их и стараются подстроиться под них. Всем это очень нравится, они не видят сразу врага в белорусе, а видят человека, расширяющего возможности, дающего возможность всем быть хорошими.

Я могу привести такой пример. Моя дочь сейчас живёт в Америке. И в той местности проживают люди разных национальностей: и итальянцы есть, и вьетнамцы, и американцы, и китайцы, и ирландцы... Пёстрая по национальному составу часть Америки. Но эти люди приходят и группируются вокруг моей дочери. Они какие-то ужини устраивают, приходят какие-то проблемы обсуждать... И некое сообщество этого участка территории возникло из того, что появились белорусы. Белорусы – добрые, гостеприимные, они ничего ни от кого не требуют и любят хорошо работать. Например, мой муж приезжает и обустраивает всем веранды и детские домики. Последнюю веранду сделали очень большую – для всего этого участка территории: там можно танцплощадку даже сделать. Во всём мире хорошо относятся к людям, которые любят труд, качественно работают и сами на себя зарабатывают. Именно такие белорусы за границей.

Другое дело – когда мы в своей стране. И тут мы совсем другие! Есть такое противоречие: белорус за границей, в мире, в восприятии других людей – и белорус среди своих. Просто поражаешься той зависти, которая существует у нас, в своём сообществе. Она почему-то исчезает, когда человек попадает в другие условия.

Или отношение к своей истории и языку! За границей белорус гордится своей историей и языком – как все другие народы.

Ещё одна отличительная черта белоруса – никогда не показывать свои язвы, не тянуть свои неприятности на люди. Всегда всё хорошо! Между прочим, это помогает нам быть европейскими людьми: они тоже не выставляют свои язвы на публичное обсуждение.

Мы заэксплуатировали одну нашу национальную черту, особенно государственное ТВ: у нас всё хорошо! Когда какой-нибудь иностранец к нам приедет, разве мы говорим, как у нас плохо? Нет, у нас всё хорошо! В дом пригласят: сами никогда такого не съедят, а когда гость приходит – и икра на столе, и всякие лакомства...

Так мы и в политике себя ведём. С одной стороны, довольно сложная экономическая ситуация. А с другой – всему миру показываем, что у нас икра ложкими...

Мы были бы, наверное, быть самым любимым народом в Европе и в мире. А поскольку у нас какая-то внутренняя «раздраженность», мы вот эту зависть друг к другу и имеем в своём доме. В своём доме у нас непорядок, а внешне – мы довольно привлекательные люди.

Андрей Санников

Сложный вопрос, я могу тут сослаться только на личный опыт. Я никогда не считал себя ни русским, ни кем-то ещё. Для меня было естественно, и я гордился тем, что я белорус. Помогло даже то, что в Советском Союзе у нас был паспорт гражданина Беларуси. Мне странно теперь, когда некоторые мои знакомые пишут в анкетах «страна бывшего гражданства – СССР». Я так никогда не пишу: всегда – Беларусь. Этому есть даже формальная юридическая аргументация: у меня был паспорт гражданина Беларуси, БССР.

Что касается идентичности, в идеале она должна опираться на культуру, историю, язык. Я бы сказал, может быть, – язык, культуру, историю. Но ведь у нас этого нет. Уничтожение белорусской мы видели, а как её спасали – пока что не видели. Были 3–4 года относительной либерализации, а теперь белорусскость пытаются в андеграунд загонять, отрицать её. Однако идентичность есть. Даже у людей, которые, возможно, выступают за более тесные отношения с Россией. Они всё-таки ощущают себя белорусами. И если вопрос поставить ребром: «Вы становитесь губернией?» – думаю, большинство было бы против.

Считаю, что нам всё-таки надо будет пройти, тем или иным образом, через этап строительства нации-государства. Это происходило со всеми европейскими странами начиная с XVI века. Сегодня тоже есть примеры такого строительства – Словакия. Мы через это как белорусы и Беларусь не проходили.

Идентичность есть, она увеличилась. Как ни парадоксально (а может, это естественно), жёсткий режим сделал белорусскость действительно способом сопротивления, борьбы против диктатуры. И как-то расставил более-менее

по своим местам культурные явления. Взять тот лубок, который мы видим по телевидению, эстраду, попсу – нельзя сказать, что это белорусские исполнители. Нет, формально их можно назвать белорусскими, но ведь это не белорусское явление: мы это же видим и в Москве, и в других бывших советских республиках. И то, что довольно сильные художественные явления у нас есть в андеграунде в музыке, в издательском деле (те же «ARCHE» и «pARTisan»), поддерживает белорусскость. Это естественно, что андеграундная культура сегодня почти полностью белорусскоязычная. Даже такие на наших глазах происходили метаморфозы, когда русскоязычная группа начинала петь по-белорусски. И это очень хорошо, это естественная эволюция. Тут очень интересный выбор. Если ты хочешь стать попсой, у которой нет почти никакого лица, то работай на русском языке. Если ты хочешь заниматься творчеством, чтобы у тебя был свой слушатель, – естественно, белорусскоязычность.

Например, на «Славянском базаре» – та же белорусскость, которая была во время Советского Союза. Это лубок. Хуже я вообще ничего не видел.

Владимир Улахович

Современная белорусская идентичность лишь в малой степени сравнима с классической идентичностью европейских наций, выковавших свою идентичность в столкновении суверенитетов, которое продолжалось не одно столетие. В нашем случае это, во-первых, категория формирующаяся, порой не очень явно и не очень традиционно, параллельно с процессом национально-государственного строительства. И здесь не стоит преувеличивать значение традиционных параметров философско-культурологического характера. К примеру, не имеющий никакого отношения к мировоззренческим проблемам успешный матч национальной сборной по футболу или хоккею гораздо эффективнее формирует национальные чувства, принадлежность, гордость, чем сотня просветительских лекций или конференций. Во-вторых, это категория максимально близкая к обыденному сознанию, упрощенная, отражающая главную проблему – выживания нации в жёстких исторических условиях. Неявность, подвижность

и даже некоторая неуловимость современной белорусской идентичности – лишь обратная сторона драматического исторического опыта.

Валерий Фролов

Мне кажется, это самая больная тема. Многие из нас называют себя белорусами, но еще не осознали себя ни нацией, ни, может быть, народом. И не всегда понимаем, что такое белорусскость, хотя говорим о национальных чертах. Может быть, это я не до конца понимаю...

Под белорусскостью у нас чаще всего понимают толерантность, терпимость. Наверное, всё-таки в истории у Беларуси достаточно сложная судьба: то шведы туда-сюда ходили, то немцы, то поляки, то русские. Белорус как-то «хаваўся ў бульбу» и стремился пережить эти времена. Допустим, Великая Отечественная война: мы говорим «партизанская страна» и т. д. Но у нас чуть ли не столько же было и полицаем! И вот это стремление выжить в любых условиях (как говорят, «сел на гвоздь и притерпелся») настолько вошло в наше сознание, наше самоощущение... Когда мы это закончим – Бог его знает!

Мы встречались с товарищем Игорем Баслыком. Он говорит: «Благодаря друзьям посмотрел, кто и что на меня писал. Про некоторых думал, что они друзья, а они на меня такие гадости написали!..» Есть у нас такой художник Алекс Пушкин. На него мужик из своей же деревни, который ни к каким звездам не стремится и в начальники не рвется, такую гадость написал!.. Это характерный показатель одной из черт белорусскости. Это стремление сохраниться, наплевав на всё. Может быть, это и правильно, но если ты человек – существо социальное, то должен и Божьими принципами руководствоваться, а не только о своей шкуре думать. К сожалению, очень много в белорусскости вот такого...

Я знаю очень многих людей в армии, ФСБ, КГБ, многие в прошлом были друзьями, с некоторыми вместе служили. Я смотрю, насколько они могут приспосабливаться – это просто ужас! Некоторые, увидев меня, перебегают на другую сторону улицы – только чтобы не встретиться. Я не думаю, что они при этом думают о Беларуси, о государственном устройстве – у них просто

срабатывает инстинкт: «Отскочу! Лишь бы тихо было. Лишь бы не было войны, лишь бы тихо. В бульбе пересижу».

Не хватает того, что было характерно, допустим, для Павки Корчагина, для Прометея... Не хочу, чтобы все были Прометеями и Павками Корчагиными, но какой-то уровень этих качеств должен присутствовать в каждом белорусе. На мой взгляд, он не присутствует.

Может быть, я слишком высокие требования предъявляю. Человек создан не для того, чтобы всю жизнь бороться за что-то. Он должен жить, любить, растить детей, ездить на рыбалку, играть в шахматы, у него должен быть достойный уровень жизни. Но мне кажется, человек тем отличается от обезьяны, что он Божье создание, что в нем духовность какая-то... Я думаю, хоть и крестятся в церкви и посещают ее, от заповедей Божьих («Не убей!», «Не укради!», «Не возжелай жены ближнего своего!» и т. д.) мы еще далековато.

Станислав Шушкевич

Для меня белорусская идентичность существует. Потому что отец, дед со стороны отца (деда со стороны матери я не помню: он умер рано) – они все были белорусами. И были сознательными белорусами. И бабушка мне в Минске говорила: «Глядзі, гэтую бэльку прыбіў дзед. Яна ніколі ня зломіцца».

Белорус для меня... Я знал сельский тип белоруса или такой, на окраине города, где фактически жили как в деревне. Это серыйный, рачительный хозяин. Не сказать чтобы скрупливый, но он очень не позволяет себе что-нибудь бросать на ветер или развлекаться слишком. Потому что выживать надо было всегда в очень трудных условиях. Но это человек, который так планировал хозяйство, что какой бы враг ни пришёл, что бы ни случилось, но – выживем до весны, до нового урожая!

Мне кажется, что у белорусов эта очень хорошая черта (одна из важнейших белорусских черт) после послужила тому, что мы фактически стали малотребовательны, значительно менее требовательны, чем следовало быть европейцам. Когда менялись условия, когда менялся уровень техники, уровень обеспеченности, энергообеспечения, появлялись новые материалы – химикаты, строи-

тельные материалы, – мы оставались на уровне политики «чарки и шкварки». Вот этот лукашенковский бред, который вреден к тому же, так как он сокращает жизнь людей. Навязывать агрогородки – это тоже вредно. Белорус всегда был хорошим хозяином, если был самостоятелен.

То же самое могу сказать об интеллигенции: для меня главным авторитетом всегда был белорусский учитель. Мне казалось, что большего интеллигента нет.

К сожалению, эти изменения – антибелорусские, и они произошли в обществе. Но их довольно легко нивелировать, и я знаю многих настоящих белорусов, интеллигентов, которые остаются белорусами и подобным изменениям не поддались. Возвышена наша интеллигентность русской литературой, музыкой, искусством. Но она же, наша интеллигентность, засорена русской руганью, ложью, бесхозяйственностью и воровством. Заметьте, во многих случаях это преодолено. Например, сметливый хозяин превратился в квалифицированного рабочего. У нас процент высококвалифицированных рабочих в четыре раза больше, чем в России: там 6%, у нас – более 20%. Благодаря этому белорусы выживают. Потому что если на Западе вы откроете капот автомобиля (как это делал я), то там все удивляются: как это может делать обычный водитель-любитель? А я в Беларуси не знаю такого человека, который сидит за рулём и не поднимет капот автомобиля, и не исправит всяческие мелкие неполадки в российских автомобилях.

Вот эта старательность, сметливость, трудолюбие – белорусские черты.

Науку в России создавали заезжие профессионалы. Фактически она была создана по образцу западному. Образец академии тоже был взят с Запада. И сюда в Беларусь приезжали. И в этом нет ничего плохого. И то, что определённые произведения белорусской культуры создали татары, осевшие тут, меня не обижает, а, наоборот, радует. И то, что белорусский классический балет развился благодаря российской школе, меня тоже радует. Он есть в наличии, этот европейский уровень.

Всеволод Янчевский

Белорусы – это очень советские люди. Важнейшая часть нашей истории – это история новейшая.

Конечно, как таковую историю наша нация имеет длинную, но ее развитие не раз перерубалось.

Нация – это в том числе и ее элита, ее мозг. Может ли быть голова без тела? Когда-то белорусская нация начала формироваться в Великом княжестве Литовском, но как только чуть-чуть начинал взрастать элитарный слой, его подрубали. Элита становилась то польской, то русской.

И мы опять начинали с чистого листа.

Постепенно белорусская нация начала выкристаллизовываться – уже в советскую пору. Конечно, в первую очередь, это носило крестьянский, сельский характер. Национальная интеллигенция была сельской по происхождению. В этом нет ничего плохого – так исторически сложилось, все нации проходили примерно такое развитие.

Даже сегодня практически у всех – корни в деревне. А это соответствующий архетип мышления, соответствующие привычки, соответствующий менталитет и т. д.

В значительной степени нацию стал формировать Лукашенко. Лукашенко – это человек, который выделил республику, народ, он их отграничил. Мы можем сегодня сказать: «Беларусь – не Россия», и «Беларусь – не Украина», и «Беларусь – не Европа».

В правление Лукашенко (мы сами наблюдаем этот интересный процесс) Беларусь стала формироваться как САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ И СВОЕОБРАЗНАЯ страна.

Кстати, так называемый демократический выбор начала 90-ых был наязан Беларуси. Республика была частью большого пространства и поневоле приняла в себя «перестроечные» процессы. Но как только Беларусь оставили наедине с собой, она немедленно отвергла «либеральную демократию» (в 94-ом, в 95-ом, в 96-ом годах), отвергла последовательно, проявив свою самость. В данном случае белорусы проявили именно свою самость. Если

хотите, нынешний политический строй – это прямое следствие независимости Беларуси.

Если же говорить о национальном характере... Нельзя сказать, что что-то нравится или не нравится в чертах народа... Это данность. Наверное, некоего динамизма белорусскому характеру, мне кажется, не хватает. Динамизма, агрессии, энергичности...

Очень сильно нам вредит боязнь новшеств. Но в ней есть плюс: мы не допускаем многих ошибок, которые делают другие. Однако мне кажется, она чуть-чуть «зашкаливает»: боязнь эксперимента у нас слишком большая. Это плохо, мы диссонируем с миром. Современный мир – это эксперимент, и вообще прогресс – это эксперимент, риск. А белорусы не очень рисковый народ, что отчасти хорошо и естественно, но в какой-то части плохо. Возможно, это будет изживаться, поскольку мы включаемся в самые разные глобальные процессы.

Мне, например, хотелось бы, чтобы мы «раскачивались» быстрее, чтобы мы больше экспериментировали, чтобы мы были новаторами, чтобы меньше боялись новшеств. Чтобы, уважая прошлое, мы не сковывали себя традиционными привычками, как кандалами.